

Се Линь проснулся от жжения в груди — ему приснилось пламя.

Он резко сел, чувствуя, будто грудную клетку пронзило острым клинком, а каждый вдох отзывался едким запахом тлеющих углей. За окном белел мертвенный лунный свет, освещая лежащий на столе сверток с Кровавым Указом, который испускал зловещее сияние. То была не бумага — то были останки человеческих душ, та самая История гибели Великой династии Инь, которую он в прошлой жизни написал обрубками пальцев, макая их в кровь из собственного сердца и смешивая её с соком мха из Холодных дворцов на протяжении семидесяти семи дней. Теперь же этот свиток превратился в боевое знамя, в проклятие, в первопричину его безумия.

Но во сне он стоял на коленях посреди площади для казней.

Ветер кружил пепел, словно вздохи бесчисленных неприкаянных душ. В руке он сжимал самый первый черновик этого указа: чернила ещё не высохли, кровь ещё теплилась. А у подножия помоста стоял на коленях Цэнь Чжао. Его черные одежды были забрызганы кровью, из уголков рта сочилась темная кровь, но он все равно улыбался — мягко, так, будто провожал Се Линя в дальний путь.

Ты так прекрасно пишешь, — произнес Цэнь Чжао, и его голос звучал легко, как падающий снег. — Не бойсь, я приму твою ночь на себя.

Языки пламени пожрали указ, а следом пожрали и его самого.

С диким криком Се Линь очнулся, ощущая во рту привкус крови. Босиком он бросился в кабинет Цэнь Чжао, сбивая книжные полки, переворачивая столики, сдирая ногти в кровь о полированное дерево сандала. Он шарил повсюду, словно безумная собака, роющаяся в могиле, словно тонущий человек, ухватившийся за соломинку, — он должен был отыскать тот самый первоначальный вариант Истории гибели Великой династии Инь, ту правду, которую сожгли, засыпали землей и уничтожили, объявив еретической книгой!

Он помнил слова Цэнь Чжао: То, что ты пишешь пером, способно убивать. Но история, которую ты пишешь, способна спасти мир.

Но он сошел с ума. Сошел с ума настолько, что решил, будто Цэнь Чжао предал его; поверил, будто этот свиток с Кровавым Указом — орудие, которым Цэнь Чжао заставлял его признать вину.

Ты обманываешь меня... — бормотал он, разрывая дрожащими пальцами старинные фолианты. — Зачем ты меня обманываешь?

Потайное отделение обнаружилось за третьим свитком из серии Карта гор и рек. Поддев его шпилькой, он услышал, как зашуршала осыпающаяся древесная труха — похожая на снег, на пепел, на его собственную сожженную в прошлой жизни душу.

Стопка бумаги.

Семь страниц.

Каждая страница насквозь пропитана запекшейся кровью, края обуглены, словно реликвию вырвали прямо из пасти пожара. Чернила выцвели, но каждое слово отчетливо читалось:

На двадцать третий год Тяньци императрица поглотила золото не из ревности, а потому что увидела имя Се Линя на страницах истории.

Наследный престол внезапно пресекся не от болезни — Вдовствующая императрица приказала добавить яд в лекарство, а Се Линь, попытавшийся это записать, был брошен в темницу.

Се Линь обвинен в связи с духами не как демон — это правда. То, что он запечатлел, и есть тот самый хребет, который эта династия не смеет признать.

Внизу красовалась приписка, выведенная мелким почерком. Цвет чернил напоминал слезы, цвет крови — саму судьбу:

С благоговением записано Цэнь Чжао. Навеки отсечено на двадцать третий год Тяньци.

Рука Се Линя замерла.

Он уставился на эту строчку так, будто смотрел на собственный погребальный гроб.

И внезапно всё понял.

Это был почерк вовсе не Цэнь Чжао.

Это был его собственный почерк.

Почерк из его прошлой жизни.

Цэнь Чжао... не был переписчиком.

Он был... тем, кто скопировал всё начисто.

Он помог ему вплести правду в самую память живых людей.

Он помог ему вбить кровавую летопись в самые кости официальных летописцев.

Он проглотил ради него Пилюлю Забытой Души и разыграл собственную смерть, лишь бы даровать ему перерождение.

Он взял на себя все обвинения — не ради власти, не ради собственной жизни, а лишь для того, чтобы Се Линь мог выжить.

Се Линь опустился на колени, втапывая бумажные листы в пол, а кровавые слезы смешивались с тушью, каплю за каплей падая на слова: с благоговением записано Цэнь Чжао.

Он не мог издать ни звука.

Горло словно выжгло изнутри.

Он лишь разинул рот, подобно выброшенной на берег рыбе, и беззвучно, безумно терзал собственные волосы, вонзая ногти в пол, пока ногти не сошли с кровью, хлынувшей ручьем.

За что... — наконец исторгнул он хриплый крик, раздирающий слух, подобно рвущейся шелковой ткани. — Почему ты... не сказал мне раньше?!

Дверь бесшумно отворилась.

Ворвавшийся ветер заставил пламя свечей затрепетать.

На пороге стоял Цэнь Чжао. На нем были всё те же черные одежды с перекатывающимися по манжетам темными облаками, а в руках он держал чашку теплого чая, от которой над фарфором поднимался тонкий дымок, похожий на улетающую душу.

Он ничего не говорил, просто молча смотрел на него, и в его взгляде не было ни испуга, ни гнева, ни жалости — лишь... ожидание.

Двадцать лет ожидания.

Пока тот очнется.

Пока узнает.

Пока перестанет бежать.

Се Линь бросился вперед, словно к последнему обломку корабля, вжавшись в его объятия, и вцепился пальцами в его ворот так крепко,

что ногти едва не вонзились в кожу.

Почему ты не сказал мне раньше?! — истошно закричал он, срывая голос. — Ты хоть знаешь, сколько времени я сходил с ума?! Я сжег твой кабинет, я разбил твою тушечницу, я проклинал тебя, ненавидел тебя, я... я думал, что ты убил меня!

Цэнь Чжао не отстранился.

Он позволил терзать себя, позволил рыдать, уткнувшись лицом ему в грудь, позволил горячим слезам промочить ткань на его сердце.

Он поднял руку и мягко опустил ладони на спину Се Линя, лаская его с такой нежностью, будто успокаивал ребенка, испугавшегося кошмара.

Если бы я сказал раньше, — его низкий хриплый голос звучал весомо, как удар колокола, — ты бы не сошел с ума.

Се Линь резко вскинул голову, сквозь пелену слез: Тогда... тогда ты должен был дать мне умереть!

Цэнь Чжао улыбнулся.

Эта улыбка была легче, чем на прошлой казни, но весила куда больше.

Но если бы ты не сошел с ума, — его пальцы коснулись лица Се Линя, стирая кровь и слёзы, — ты бы не выжил.

Се Линь замер.

Его внезапно осенило — в ту ночь, когда он проглотил угол свитка, окровавив губы и выкрикивая: Вы верите не мне, вы верите в ту правду, которую сами не смеееете признать!

Тогда Цэнь Чжао прискакал на коне и срубил трех подстрекателей, но не тронул его самого.

Он посадил его в седло и тихо произнес: Если ты сойдешь с ума, я стану для тебя летописцем этой смутной эпохи.

Оказывается, он знал всё заранее.

Он с самого начала знал, что безумие Се Линя — не болезнь.

Это было пробуждение.

Это был отзвук Кровавого Указа, зов погибших душ, огонь, что вновь разгорелся в его душе от сожженных страниц истории.

Ты... — дрожащим и едва слышным голосом произнес Се Линь. — Ты проглотил Пилюлю Забытой Души?

Цэнь Чжао кивнул.

Ты заново переписал историю и спрятал её в подземельях семидесяти двух храмов?

Да.

Ты... пожертвовал своей жизнью ради моего перерождения?

Цэнь Чжао на мгновение умолк и наконец ответил: Не ради твоего перерождения.

Он опустился ниже и легко коснулся губами лба Се Линя, и его дыхание пало на кожу легким снегом с ветки сливы.

А для того, чтобы ты наконец осмелился вспомнить, кто ты есть.

Се Линь всем телом содрогнулся, внезапно осознавая: Цэнь Чжао никогда не пытался спасти его от безумия.

Он спасал его от забвения.

Он хотел, чтобы тот помнил: он — тот самый летописец, который мочил обрубки пальцев в крови и исписывал свитки до последней крупы правды.

Помнивший, что он — человек, которого растерзала императорская власть, но который так и не заткнулся.

Я... — Се Линь всхлипнул. — Я писал те слова... вовсе не ради проклятия...

Чтобы пробудить остальных, — подхватил Цэнь Чжао, и голос его звучал легко, словно ветер. — То, что ты писал — не проклятие, а огонь. Чем яростнее он пылает, тем ярче освещает

погребенные кости.

Се Линь вдруг вспомнил то мгновение из сна.

Цэнь Чжао стоял на коленях у подножия лестницы, изо рта текла черная кровь, но он все равно улыбался.

Оказывается, то была не смерть.

То было поручение.

Передача ему самой жизни вместе с сокрытой правдой.

Ты... — Се Линь поднял голову, с покрасневшими от слез глазами. — Почему ты... не позволил мне умереть?

Цэнь Чжао протянул руку и достал из запазухи нефритовую шпильку.

Наповинку сломанную, но всё такую же теплую на ощупь.

Потому что, — он аккуратно вложил шпильку в ладонь Се Линя, — если умрешь ты, в Поднебесной больше не останется никого, кто осмелился бы говорить правду.

Се Линь сжал нефритовую шпильку, чувствуя пальцами высеченную на внутренней стороне мелкую строчку:

Жизнь за жизнь, Кровавый Указ не сгорит.

Он наконец сломался, зарыдав в голос, словно ребенок, который наконец-то отыскал дорогу домой.

Цэнь Чжао больше ничего не говорил.

Он просто осторожно подвинул чашку с теплым чаем ближе к руке Се Линя.

Чай еще не остыл.

Словно их нерасторжимая связь, что никогда не прерывалась.

За окном поднимался ветер.

Где-то вдалеке раздавался размеренный звон колоколов.

Кровавый Указ двадцать третьего года Тяньци этой ночью был наконец вновь поднят безумцем.

А летописец больше не станет принимать его вину на себя.

Он сам, собственной рукой, напишет свое собственное имя.

<http://bllate.org/book/19340/1891106>